

*Посвящается волшебникам слова, это
самая могущественная магия на свете.*

Гарднер Дозуа^[1]

Предисловие

Чародеи, ведьмы, шаманы, колдуны, провидцы, целительницы, знахари, владеющие магией... Они общаются с духами, ведают древними тайнами и повелевают скрытыми силами. Они способны одновременно лицезреть потусторонний мир и реальность, являясь связующим звеном между ними, вернуться к истокам истории человечества, а то и раньше. Археологи обнаружили следы ритуальной магии при раскопках неандертальских стоянок. При погребении умершего окружали любимыми орудиями труда, оставляли еду, иногда украшения из цветов. За низкой каменной перегородкой лежали семь медвежьих голов; человеческий череп, насаженный на кол, окружало кольцо из камней... Магия неандертальцев.

Десятки тысячелетий спустя в глубоких пещерах Ласко, Пеш-Мерль и Руффиньяк кроманьонцы тоже совершали магические обряды, доставшиеся им, возможно, по наследству от ушедших сородичей-неандертальцев. Глубоко в темных пещерах Ла-Мут, Комбарель и Альтамира, в самых отдаленных тайных галереях, кроманьонцы расписывали стену за стеной яркими символическими рисунками, изображая животных ледникового периода. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта наскальная живопись и связанные с ней реалистичные глиняные фигурки бизонов, лошадки, вырезанные из слоновой кости, загадочные женские фигурки «Венер» и абстрактные, перекрывающие друг друга контуры отпечатков человеческих ладоней, известные как «макароны», были элементами магии, использовались в ритуальных обрядах, хотя, как именно они применялись, возможно, навеки останется тайной. На стенах древних пещер мы находим самое раннее изображение чародея в истории человечества: нескладную, таинственную фигуру с головой оленя, наблюдающую за яркими плоскими образами животных, скачущих по камню.

Выходит, магия появилась раньше искусства. Скорее всего, искусство было призвано отражать волшебство, дать ему материальное воплощение, каким-то образом использовать его. Вглядываясь в глубь веков, мы видим, что художник и волшебник неразличимы, они, по

сути, едины, что неизменно подтверждается многочисленными примерами – вплоть до сегодняшнего дня.

Рассказы о магии тоже родом из прошлого, возможно, даже из ледникового периода, когда охотники долгими ночами собирались у костра, прислушиваясь к разрывающему крошечную тьму вою диких животных. В бронзовом веке Гомер рассказывал свои истории у живого огня. В его сказаниях то и дело мелькают узнаваемые элементы фэнтези – людоеды, заклятия, снятие чар, волшебницы, превращавшие людей в свиней. В слушателях – особенно среди бывалых, опытных людей – недостатка не было.

К концу XVIII века нечто близкое к современному литературному фэнтези пустило ростки из тысячелетней устной традиции – народных сказок, волшебных сказок, мифологии, песен и баллад, сказок, наполненных чудесами, баек путешественников, деревенских легенд о феях и заколдованных камнях, о великанах, спящих под сельскими просторами, – сначала в виде готических рассказов, историй о привидениях, арабесок, позднее, к середине следующего столетия, в более скромной литературной форме. Такие писатели, как Уильям Моррис и Джордж Макдональд, переработали сюжеты фольклора и создали новые фантастические миры для достаточно искушенной публики, опираясь на явные признаки фэнтези, как на литературные тропы, а не на страшные полузабытые народные поверья. Этим людей позабавила бы мысль о блюдце молока для феи-бродяжки.

К концу XIX и началу XX века большинство уважаемых литературных деятелей – Диккенс, По, Киплинг, Доил, Саки, Честертон, Уэллс – уже всю писали фэнтези в той или иной форме – истории о привидениях или «готические» рассказы. Некоторые писатели: Торн Смит, Джеймс Брэнч Кейбелл и лорд Дансени – стали специализироваться на этой форме. Однако на горизонте замаячила Вторая мировая война, и фэнтези впало в немилость, как «вышедшее в тираж», несовременное, непрогрессивное, оно сделалось своего рода изгоем. В суровые 1950-е фэнтези почти не издавалось ни в какой форме, а в США оно как жанр не существовало вовсе.

Когда начался ледниковый период и большая часть территории Северо-Американского континента покрылась льдом, тысячи видов растений, насекомых, птиц и животных переместились на юг, в защищенные горами леса, которые впоследствии станут называться

Грей-Смоки-Маунтинс. В этих убежищах они переждали нашествие ледников, которые в конце концов повернули на север. С уходом ледников стало значительно теплее. Так и скромные журналы – подвизающиеся в фэнтези и научной фантастике «Странные истории» (Weird Tales) и «Неизвестное» (Unknown) в тридцатых и сороковых годах, «Журнал фэнтези и научной фантастики» (The Magazine of Fantasy and Science Fiction), «Фантастика» (Fantastic) и «Британская научная фантастика» (British Science Fantasy) – в пятидесятых и шестидесятых скрывались в убежищах, защитивших фантастику во время ее бегства от ледников социалистического реализма в ожидании грядущего потепления климата, чтобы иметь возможность вновь расправить крылья.

К середине шестидесятых, в основном усилиями первопроходцев, таких как Дональд Воллхайм, Иен и Бетти Баллантайн, Дон Бенсон и Селвин Голдсмит, фэнтези возвращалось из небытия. А после небывалого успеха «Властелина колец» Д. Р. Толкина в США основали первую издательскую серию «The Ballantyne Adult Fantasy», посвященную исключительно фэнтези. Спустя десятилетия за ней последуют другие, а на сегодняшний день фэнтези – огромный, разнообразный, востребованный жанр, разлившийся на многочисленные «реки и ручейки»: фэнтези меча и магии, эпическое фэнтези, высокое, комическое, историческое, фэнтези альтернативных миров и так далее.

За последние десятилетия в литературе сложился типичный образ волшебника: добродушный старик с седой бородой, в фетровой шляпе с широкими полями, с посохом в руке – образ, возникший в значительной степени под влиянием Гэндальфа Серого из книг Толкина и Дамблдора, выдуманного Джоан Роулинг и – вишенкой на торте – от Мерлина, созданного Т. Х. Уайтом. В течение веков волшебников изображали то так, то эдак – то доброжелательными и мудрыми, то порочными и злыми, иногда в них сочеталось и то, и другое. Древние греки считали магию великой наукой. Известный мистик Агриппа почитал магию, как тропу для воссоединения с Богом. А в средневековой Европе говорили, что маги связаны с дьяволом и распространяют зло по всему миру, развращая и разрушая праведные души. Дым от сожженных на кострах ведьм и колдунов в течение долгих тысячелетий наполнял зябкий осенний воздух. У некоторых

индейских племен Америки колдун был злым или добрым в зависимости от того, как он использовал магию. На самом деле в каждом обществе есть свой тип волшебника. В Мексике волшебник называется *curandero*, лекарь – *brujo* или *bruja*. На Гаити они *houngan* или *quimboiseur*, у американских индейцев – *shaman* (шаман) или *singer*, у евреев – *kabbalist*, у цыган *chóvihánni*, ведьма; в сегодняшней сельской Америке – *hoodoo* или *conjure man*, знахарь, *root woman* – целительница, у племен маори в Новой Зеландии – *tghunga makutu* и так далее, по всему миру, в самых что ни на есть «развитых» обществах, не говоря уже о наиболее «примитивных».

Все мы, по сути своей, волшебники. Для большинства из нас магия – часть интуитивного культурного наследия. Как только вы скрещиваете пальцы или стучите по дереву, чтобы отпугнуть злых духов, чтобы не сглазить, или отказываетесь поменять «счастливую» одежду перед решающей спортивной игрой, или стараетесь, идя куда-то по делам, не наступить на трещины в асфальте, чтобы у матери не разломило поясницу, или, наоборот, нарочно наступаете, со злым умыслом, – тут вы облачаетесь в мантию волшебника, пытаетесь повлиять на мир с помощью магии, колдуете точно так же, как и средневековый алхимик, напрасно корпевший над пестиками и перегонным кубом, так же как шаман-кроманьонец в маске медведя, с оленьими рогами на голове, исполнявший ритуальные обряды в темных пещерах Руффиньяка.

В этом сборнике я попытался охватить многоликий мир магии. В нем вы найдете добрых белых и невероятно злых черных магов. Вы побываете в Исландии XVIII века на заколдованных троллями холмах, в викторианской Ирландии, где сиды, обитатели холмов, собираются на войну; в далеких, неизведанных Аппалачах и среди холмов Кентукки, где до сих пор бродят призраки; на улицах современных Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, где на каждом углу неосторожного прохожего может подстергать опасная магия. Потом вы окажетесь в выдуманных мирах вне привычных нам времени и пространства, пройдете по сказочному заколдованному городу Калифе, мрачным топам и разрушающимся городам Месоги, где мертвые охотятся на живых; зловещему городу Узур-Калден на самом краю земли, откуда отправляются в путешествие обреченные на гибель странники, и мало кому из них суждено вернуться; вы посетите Страну падающей стены

в последние дни Умирающей Земли, чтобы насладиться трапезой в таверне у озера, известной своими знаменитыми шкворчащими угрями; отправитесь на Матерь рынков в Мессалине в поисках странных поделок в компании мастерицы, поучаствуете в сто девятнадцатом Великом симпозиуме, где правит сам Великий Магнус, чтобы увидеть состязание искуснейших магов мира; присоединитесь к полным опасности поискам ледяных магов по повелению Великих домов, правящих Римом после падения империи в альтернативной версии истории; проникнете в Холм эльфов, откуда почти невозможно выбраться без провожатого; прокатитесь на «терраплане» дьявола, поможете деревенскому колдуну в почти безнадежной борьбе против зловещей магии; попытаетесь уговорить комету, чтобы она не разрушала мир; сразитесь с возвращенцами из небытия, пожирательницей игрушек, зловещей заколдованной книгой... Вы познакомитесь с доктором Ди, известным викторианским ученым, и волшебником Маскелейном Неотразимым, Незрячим, Властелином Черной башни, Молоксом Меланхоличным, джиннами, троллями, эльфами, остеомантами, эгрегорами, деодандами, грузями, эрбами, вампирами, мантикорами – чудовищами с хвостом скорпиона; сидами, духами-покровителями Исландии; святыми и грешниками; с головами на кольях, распевающими песни, известными как каллисточуа, которые способны околдовать жертву бесконечной песней; Архангелом Бобом, Святой Блудницей, Джеком-попрыгунчиком и зятем дьявола.

Эти мечты пробудила сама магия, они, бесспорно, волшебные. Мечты живут, соединяя поколения и неизменно возрождаясь из страшной могильной бездны. Они стирают расовые, возрастные, классовые, национальные барьеры, выходят за границы времени. Я искренне надеюсь, что представленные в этой книге рассказы затронут ваши души, взволнуют умы и надолго останутся в вашей памяти. Так пускай же рождаются новые мечты, даже после того, как все причастные к этой антологии превратятся в прах.

К. Дж. Паркер^[2]

К. Дж. Паркер считается одним из самых изобретательных писателей, работающих в жанре фэнтези. Он автор бестселлера «Инженерная трилогия» (Engineer Trilogy): «Средства и желания» (Devices and Desires), «Око за око» (Evil for Evil), «Бегство» (The Escapement), а также трилогии «Фехтовальщик» («Закалка клинка», «Натянутый лук», «Пробирная палата») и трилогии «Мусорщик» (Scavenger): «Тень» (Shadow), «Образец» (Pattern), «Память» (Memory). Его рассказы публиковались в сборниках «Академические упражнения» (Academic Exercises) и «Тайник» (Priest's Hole).

Он был дважды удостоен Всемирной премии фэнтези за повести «Дайте карты другим» (Let Maps to Others) и «Малая плата за птичью песню» (A Small Price to Pay for Birdsong). Его перу принадлежат также романы «Жулики» (Sharps), «Компания» (The Company), «Складной нож» (The Folding Knife) и «Молот» (The Hammer), «Дикари» (Savages), «Сильнее меча» (Mightier Than the Sword) и «Два меча» (The Two of Swords).

К. Дж. Паркер – это псевдоним британского писателя Тома Холта. Под своим настоящим именем он опубликовал «В ожидании кого-нибудь повыше» (Expecting Someone Taller), «Кто боится Беовульфа» (Who's Afraid of Beowulf), «Эй, богу!» (Ye Gods!) и многое другое.

В запутанном рассказе, представленном в этом сборнике, вы попадете в элитную Академию волшебников, где в конкурсе на важную должность участвуют три могущественных мага, и станете свидетелем, как соперничество превращается в нечестную, смертельно опасную борьбу.

Возвращение свиньи

*Ностальгия, от греческого νοστώαλγεια, –
боль возвращения домой.*

Такие капканы обычно ставят на медведей и других опасных животных, что мне польстило, ведь я на первый взгляд не произвожу впечатления опасного противника. Он вонзился слегка наискось, с хрустом вгрызаясь в пятку и щиколотку, пока стальные зубья не сомкнулись в мышцах. В голове помутилось от боли, и впервые в жизни я на некоторое время выпал из реальности, не в силах ухватиться за какую-либо мысль.

Что ж, неплохой ход. Когда мозги соображают как надо, мне любая напасть нипочем. Ясное дело – ничто здесь не причинит мне боли, я сильный, хотя по виду этого не скажешь. Но сейчас боль затмевает разум, мешает сосредоточиться. При такой острой боли, сковывающей мысли, ничего не получается, – это словно носить воду в решете: все ускользает, как струйка дыма.

Да, мы неизбежно наживаем врагов. Как ни старайся быть кротким и сохранять спокойствие, рано или поздно – простите за каламбур – угодишь в капкан, потом злость и возмущение застилают взор, и вот уже мы ведем себя вопреки здравому смыслу. Загоревшись обидой на красноречивое обвинение в дурацком честолюбии, один образованный интеллигент губит другого, готовя для него ловушку. Можно, конечно, шире взглянуть на ситуацию и посмеяться, если бы не боль.

* * *

Что такое сила? Простите, если это прозвучало как вопрос на экзамене. Серьезно, что это? Я бы назвал это качеством, позволяющим выполнить некую работу и приобрести власть. Чем ты сильнее, тем больше можешь сделать, тем более высокие цели ставишь перед собой. Мой отец легко поднимал наковальню весом сто пятьдесят килограммов. И я могу, но совсем другим способом. Вот ведь парадокс: я не стал кузнецом, как отец, потому что всегда был слабаком, а потом меня отослали в школу, где остатки моих мускулов

превратились в жир, но я стал гораздо, гораздо сильнее. К черту наковальню! Я могу горы свернуть! Нет такой скалы, которую я не мог бы поднять. Совсем не плохо для человека, которому требуется помощь, чтобы открыть консервную банку.

Людям свойственно путать силу и безопасность. Обычно думаешь: раз уж я такой сильный, то мне нечего бояться. На четвертом году обучения учителя говорят: вы завершили этот курс, теперь никто и ничто не сможет вам навредить. Чудненько. И ты пишешь родным: «Дорогие мама и папа! В этом семестре мы проходим Абсолютную Силу. Приеду в гости неуязвимым и непобедимым. Представляете? Ваш любящий сын, и прочее, и прочее».

И мы верим... ведь это так правдоподобно! Потом следует назначение на должность и практические занятия, где вы жонглируете тяжелыми предметами и сражаетесь с демонами, поворачиваете реки вспять и мановением руки раздвигаете морские волны – дурманящий хлам для девятнадцатилетнего паренька, и в конце концов ты думаешь: я, выпускник Академии, вооруженный *strictoense* и защищенный *logica*, не боюсь зла. А затем тебе предстоит первое задание, и ты по´ том и кровью, медленно, порой унижительно приобретаешь полезные навыки.

В процессе обучения боль упоминают лишь мельком. Боль, по словам профессоров, не дает сосредоточиться на главном, поэтому, по возможности, ее следует избегать. Ты глубокомысленно киваешь и конспектируешь: «избегать боли». Однако на экзаменах этот вопрос не возникает, поэтому о нем быстро забываешь. Уж я-то всю жизнь остерегаюсь боли; правда, с переменным успехом.

* * *

Голова все еще кружилась, когда появились убийцы. Так я называю их для удобства. Когда тебе известно, чем человек зарабатывает на жизнь, ты видишь не его, а профессию. «Эй, кузнец, мне надо подковать коня» или «Трактирщик, кружку пива!». А завидев меня, вы обычно падаете на колени и просите благословения, надеясь, что я не превращу вас в лягушку.

На самом деле они – типичнейшие батраки из Месоги, худощавые, сильные, с большими руками, обтрепанными манжетами, крепкими

зубами, не испорченными сладостями. У одного в руке мотыга (на моей родине их называют тяпками), у другого – камень. Что хорошо в ремесле убийцы – никаких затрат на орудия труда. Они равнодушно смотрят на меня, прикидывая, насколько я ослаб от боли. Похоже, им не соизволили сообщить, кто я такой и чем занимаюсь, хотя по одежде можно было бы догадаться. Они решили, что со мной хлопот не возникнет, но все же, разделившись, пошли на меня с двух сторон. И телегу не взяли – видимо, им приказали швырнуть меня в канаву, когда дело будет сделано. Один из них что-то жевал; кажется, свиную шкуру.

Заклинание *strictoense* довольно-таки простое. Его могли бы преподавать и первокурсникам, будь они чуток посерьезнее. А вы оставили бы дома шестнадцатилетнего оболтуса с бутылкой бренди и собственной дочерью? То-то и оно. Нужно всего лишь как следует сосредоточиться, представить картинку и произнести: «*Strictoenseruit in hostem*».

Лично я всегда представляю человека, которого лягнула лошадь, потому что я видел всю сцену с участием моего старшего брата. Мне тогда было шесть лет. Он, как обычно, делал свою работу – приподнял правое заднее копыто лошади, чтобы почистить подкову. Должно быть, он был рассеян, потому что лошадь рванулась и с быстротой молнии ударила его копытом. Я увидел брата за секунду до того, как тот упал, – над бровями зияла полукруглая рана глубиной с ноготь. Он удивленно моргнул и упал навзничь, истекая кровью, и... и все. Полезная, однако, штука – хорошая память: не надо напрягаться.

Хорошо, что они не пришли минутой раньше – я ведь почти отключился. Но минуты хватило, а *strictoense* – плевое дело, я частенько пользовался этой формулой, и детское воспоминание такое отчетливое и всегда под рукой, как кинжал под подушкой. Я отвлекся от боли и представил, как эти парни будут выглядеть с отпечатками копыта на лбах. Потом раздался хлопок. Вообще это так скучно, словно пытаешься расколоть бревно, а топор вязнет в древесине; бревно падает с глухим звуком, но потом все же раскалывается. И я оставляю их лежать неподвижно, уделяя все свое внимание боли.

* * *

Два дня назад мы мерзли в холодном, блистающем суровой красотой Капитуле, обсуждая вакансию на кафедре Совершенной логики, возникшую после безвременной кончины отца Витрувия. Чародей старой школы, он всегда был настолько погружен в абстрактные размышления, что в реальной жизни чувствовал себя не в своей тарелке, словно бедный родственник, вынужденный таскаться по чужим домам с визитами вежливости. Ходили слухи, что он не всегда был оторван от жизни, – в пригороде жила его любовница, а два прижитых сына были удачно пристроены на процветающем канатном заводе в Корисе. Большинство слухов в нашем тесном мирке правдивы, но не этот.

На должность претендовали трое: ваш покорный слуга, отец Сулпаций и отец Гнато. Честно говоря, ни один из нас не имел заметного преимущества. Мы знакомы со второго курса, причем мы с Гнато на год старше Сулпация. А Гнато я знал еще дольше – вместе окончили Академию, выбрали одинаковую профессию, встретились после первых заданий, виделись за столом и в библиотеке почти ежедневно в течение двадцати лет. Способности различные, но уровень один. Троица необычайно умных, прилежных парней, способных выполнить работу в любых условиях – хоть стоя на голове. Вакантная должность была пожизненной, а все три претендента равно честолюбивы. Для двоих неудачников жизнь не оставляла достойного выбора: они попадут в подчинение счастливчику, дабы исполнять его прихоти. Он будет помыкать ими как только заблагорассудится, посылать в глушь на опасные задания.

Я, в общем, неплохо отношусь и к Сулпацию, и к Гнато. Они мои старые близкие друзья, роднее братьев. Будь у нас еще один относительно достойный кандидат, все трое безоговорочно его поддержали бы. Но – увы! – остается разве что пригласить такого из соседнего университета, на что Академия никогда не пойдет из-за элементарной гордыни, так что выбора не оставалось. Вот такие сложности.

Заседание длилось девять часов кряду и закончилось голосованием. Я проголосовал за Гнато, Сулпаций – за меня, Гнато – за Сулпация. Каждый получил по девять голосов – тупик. Отец Приор, тяжело вздохнув, отложил выборы на тридцать дней. Кандидатов

разослали с заданиями в глубинку во избежание дебатов. Приор Сигват действительно ничего больше сделать не мог, однако и варианта хуже нельзя было себе представить. Видите ли, несмотря на громадное могущество, мы всего лишь люди.

* * *

И вот я здесь, могучий чародей с капканом, вгрызающимся в ногу. Я никогда не умел справляться с болью. До того как сподобился овладеть *sicut in terra*, я криком кричал от малейшей зубной боли. Отец обычно приходил в ярость, когда я распускал нюни и хныкал, как девчонка. Я постоянно разочаровывал его, даже когда научился превращать свинцовую трубку в золото. Медвежий капкан, должен признать, измотал меня. Всего-то и надо было разомкнуть его с помощью *qualisartifex* и залечить рану с *vergens in defectum* – делов-то секунд на пятнадцать, но я никак не мог себя заставить. За это время я дважды обмочился – фу, мерзость. Хотя, возможно, это меня и спасло. Отвращение к собственному ничтожеству заставляет сосредоточиться, страх, по идее, тоже, но в итоге ничего не получается. Спустил почти пять часов, судя по солнцу, боль отступила, а может, я к ней привык.

Первым делом следует схватить пучок дыма, не давая ему развеяться, затем – пятнадцать секунд полного погружения, и вот уже я размышляю, из-за чего, черт возьми, вся эта суета. Я встал, морщась, – вторую ногу закололо иголками, но я отмел, не колеблясь, все страхи и внимательно осмотрел ботинок – он развалился. Тогда я укрепил подошвы ног с помощью *scelussceleris* и пошел босиком. Ерунда, переживу.

(Вопрос: интересно, почему нет заклятий для починки обычных вещей? Ответ: в этом нет нужды, поскольку мы живем в удобном мире, где имеется все необходимое для комфорта. Напомните мне, чтобы я занялся этим, когда выдастся свободная минутка.)

Мне никогда не приходило в голову поинтересоваться, «почему» или «кто». Естественно. Чего тут думать, если заранее знаешь ответ.

* * *

Меня не готовили в дозорные, но с годами я все же стал им. Причина довольно банальна – хорошие способности. Хочу

предостеречь тех, кто жаждет вступить в Орден: хорошенько подумайте, прежде чем демонстрировать свои таланты в чем бы то ни было, – никогда не угадаешь, к чему это приведет. В молодости, окончив учебу, я получил первое военно-полевое задание: выявить и нейтрализовать вероотступников – мы называли это «охотой на ведьм». А вот вам так говорить не следует, это неприлично. Я считал: проявлю себя, приобрету почет и славу, создам себе имя. А на самом деле? Мне стали доверять наигрязнейшую работу, за которую никто не брался. И с тех пор так оно и продолжается, я всеобщая палочка-выручалочка, когда надо укротить какого-нибудь распоясавшегося необразованного кретина.

Гнато, как и я, неплохо разбирается в таких делах, но он хитер. Он нарочно запорол первое задание, пришлось старшим спасать его шкуру и расхлебывать кашу. На его карьере это никак не повлияло, но с тех пор его никуда не посылали. Сулпиций же не отличит необученного кандидата в волшебники, даже если отправить их вместе в баню, поэтому вопрос отпадает сам собой.

Охоту на ведьм приятным времяпрепровождением не назовешь, а уж эту... Я провел на болоте пять часов в невыносимой боли и все еще не добрался до места.

Я прибавил шагу, чтобы наверстать упущенное время. В горах я плохой ходок, а Месоги кишит всякой гадостью. Когда я добрался до Риенса, было темно, хоть глаз коли. Конечно, я знал дорогу. Риенс находится в шести милях от моей родной деревни.

Покинувшие Месоги и осевшие в больших городах счастливики редко возвращаются сюда. Богатые, успешные купцы разглагольствуют на званных обедах о родных красотах – водопадах Шерии, небесных просторах Бохека, закатах на заливе Белуаза, и только выходцы из Месоги молчат в тряпочку, притаившись, дабы небрежное произношение гласных не выдало их с головой. Пятнадцать лет я не был в родных краях. Любое другое место изменилось бы за такой промежуток времени. Но не Месоги.

Все те же осыпающиеся каменные стены, ветхие крестьянские домишки, заросшие чертополохом и вереском пастбища, изрезанные колеями дороги, грязные обочины, мрачные небеса, тощий шелудивый скот и мерзкие, жалкие людишки. Говорят, человек – плод той

местности, где он родился, и, к сожалению, с этим невозможно не согласиться. Всю жизнь борюсь с вьевшимися в плоть и кровь местными привычками, однако отчасти благодарен своим корням. Они сформировали мой характер, помогли мне стать трудолюбивым, порядочным, честным, терпеливым, терпимым – полной противоположностью этим людишкам, даже отдаленно не напоминающей нрав жителей Месоги. Не люблю я туда возвращаться, ей-же-ей.

Риенс – типичный городок Месоги, взгромоздившийся на вершину холма, поэтому приходится карабкаться целую милю, истекая потом и источая соответствующий запах. Попутно обращаешь внимание на толстые стены из красного песчаника, городские ворота, которые сгнили полвека назад, и никто с тех пор так и не удосужился их сменить, одну длинную улицу с постоянным двором и молельным домом посередине. Жители Месоги поколениями воровали овец друг у друга. В сорок лет ты уже старик. Мой отец был кузнецом, ковал наконечники для стрел.

Женщины в Месоги сплошь коренастые, редко встретишь симпатичное лицо – красотки подались на восток, развлекать почтенную публику. Остались лишь мускулистые, трудолюбивые, волевые и вспыльчивые, как моя мать.

Женщина с постоянного двора была того же типа.

– Кто ты такой, черт побери? – спросила она.

Я сказал, что путешествую и мне нужны ночлег и еда, да еще пинта пива, пожалуйста. Она нахмурилась и предложила переночевать на сеновале за шесть грошей. На сеновале в Месоги хранят сено для лошадей. На ужин подали вяленую рыбу с овсянкой. До моря – сотня миль, но мы едим вяленую рыбу, поди разберись почему, а с ней – если не повезет – гору квашеной капусты. Пиво... Я заглянул в кружку.

– Это можно пить?

Она взглянула на меня.

– Мы пьем.

– Спасибо, я обойдусь.

На сеновале нашелся матрас, весьма почтенного возраста на вид. Я лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу шумно хрустят сухой травой и топчутся лошади. «Дома, – сказал я себе. – Какое счастье».

* * *

В эту утомительную экспедицию меня отправили ради третьего сына дубильщика. Глядя на него, я будто видел себя самого, правда, он – кожа да кости, а я в его годы был крепышом. Та же защитная коллючность в хитрых маленьких глазах, смесь страха и вины, сдобренная пониманием своего еще не измеренного превосходства, – он знает, что лучше окружающих, только пока не понимает почему. А вдруг из-за странных способностей он перестанет расти или ослепнет? Так-то вот: и спросить не у кого. Неудивительно, что многие из них – из нас – сбиваются с пути истинного.

Я сказал, что нам надо поговорить наедине. У его отца был сарай из камня, где вдоль стен, подобно коврам, стояли перевязанные веревкой рулоны дубовой коры.

– Садись, – сказал я.

Он опустился на пол, скрестив ноги.

– Не садись на холодный мокрый пол. Почему бы тебе не сделать так?

Я пробормотал: «Qualisartifex», – и изготовил пару табуреток. Он уставился на меня, но фокус его не удивил.

– Не знаю, о чем вы...

– Да брось. Тебя никто не обвиняет. Само по себе это не является преступлением, – усмехнулся я. – Не является, потому что этого просто не может быть. Закон придерживается того мнения – и мы тоже, – что магии не существует. А если она не существует, то и не может быть противозаконной.

Затем я сделал стол, чайник и две фарфоровые чашки.

– Ты чай пьешь?

– Нет.

– Попробуй, это одна из немногих радостей жизни.

Он хмуро взглянул на чашку и не сдвинулся с места. Я налил себе чаю и подул немного, чтобы остудить ароматный напиток.

– Волшебства нет. Существуют некоторые эффекты, которым умный и образованный человек может запросто научиться. Это не магия, ничего необычного, странного и необъяснимого. Вот, например, видел, как кузнец сваривает два прута? Берет два куска металла, фокусничает с огнем, искрой, – и два куска так аккуратно соединены, что уже не ясно, где кончается первый и начинается второй. А еще

более удивительный фокус, когда женщина вытягивает живого человечка между ног. Странно? Несомненно.

Он покачал головой:

– Женщинам магия не подвластна. Все это знают.

Ум буквалиста. Хорошо.

– Так и мужчинам тоже не подвластна, потому что не существует. Ты что, не слушал? Но некоторые, обладающие даром, могут хорошенько сосредоточиться и проделать кое-какие фокусы, которые другие люди не поймут, посчитают странными. Это не волшебство. Мы точно знаем, как и что происходит, ну, скажем, когда твой отец кладет шкуру убитой коровы в каменное корыто и спустя какое-то время достает твердую и гладкую с одной стороны кожу.

– Как скажете, – пожимает плечами мальчишка.

Да, трудновато. Впрочем, это же Месоги. Такие здесь ценности, такие проявления добродетели – ничему не удивляться, не делать первого шага, не выказывать интереса и энтузиазма.

– Ты это все умеешь, я знаю, люди видели.

– Не докажете.

– Не больно-то и надо, я и так знаю. Я читаю твои мысли.

Дошло наконец. Он побелел как полотно и, не будь дверь подперта снаружи бревном (простенькая предосторожность), вылетел бы из сарая, как пробка из бутылки.

– Вы не можете...

Я усмехнулся.

– Я вижу, как ты смотришь на овец, а через три дня половина стада подыхает. Я вижу, как ты снимаешь серьгу с уха старика, он падает и ломает ногу. Вижу горящую скирду, нет, три скирды... А ты опасный дьяволенок!

В его глазах блеснули яростные слезы. Я на всякий случай прошептал logica. Но он не набросился на меня, как когда-то на его месте сделал я. Он покачал головой и проворчал что-то невнятное насчет доказательств.

– Мне они не нужны, мой свидетель – ты.

Я сделал паузу в три удара сердца и продолжил:

– Все нормально. Я на твоей стороне. Ты один из нас.

Он нахмурился. Понятно – не верит.

– Хорошо. Смотри внимательно. Маленький толстый мальчик – это я.

И я показал ему пару-тройку эпизодов из своей памяти. Простое заклинание *lux dardaniae* действует безошибочно. К своим проказам я добавил выходки Гнато. Хотя какая разница!

Ненависти в его взгляде поубавилось.

– Так вы местный.

Я кивнул:

– До мозга костей. Тебе ведь тут не нравится, да?

– Нет.

– Мне тоже. Поэтому я и уехал. И ты можешь. Через десять лет будешь, как я. Только без живота и двойного подбородка.

– Мне? В город?

Я понял, что добился своего.

– Смотри.

Я показал ему Перимадейю – стандартный ознакомительный тур: фонтаны, дворец, площадь Победы, шерстяной рынок на Гусиной ярмарке. Мальчишка все еще колебался, и тогда я продемонстрировал ему Академию – величественный вид с гавани, если смотреть на вершину холма.

– Где бы ты хотел жить, там или тут? Тебе выбирать. Никто не заставляет.

– Если я уеду, мать с сестрами смогут меня навещать?

Я нахмурился.

– К сожалению, нет. Женщин туда не пускают.

Он ухмыльнулся:

– Это хорошо. Ненавижу женщин.

* * *

Гнато в этом возрасте был сплошь кожа да кости. Я вспоминаю, как маленький тощий мальчишка крал яблоки с нашей единственной яблони со съедобными плодами. Мои яблоки. Мне не хотелось делиться ими с незнакомцем. Я шлепнул его тем, что позднее стало называться *strictoense*.

А ничего не вышло. Неожиданно вокруг меня закружила огромная штукавина, она бы даже солнце закрыла, если бы не была невидимкой. Ну, вы понимаете. Недолго думая, я и развернул ее заклинанием,

позднее известным мне как «scutumveritatis». Они столкнулись. Земля затряслась под ногами. Мы с Гнато уставились друг на друга.

Отчетливо помню, как я впервые посмотрелся в зеркало, хотя это было даже не зеркало – мы же в Месоги, – а тазик с водой, стоявший на улице. День был безветренный. Помню разочарование: неужели этот толстый дурашливый мальчишка – я? А еще вспоминается, как Гнато, сосредоточенно смотревший на меня, вдруг свалился с ветки дерева, едва не сломав себе шею, – ха, облом вышел!

Я пытался подхватить приятеля – adiutoremmeum, неуклюже выполненный десятилетним мальчишкой, чего вы хотите? – и во время падения стукнул его о ствол дерева. У него до сих пор на лице шрам: грубой корой содрало кожу со щеки. Глупец не сумел воспользоваться scutum, испугался. Ему еще повезло, что я оказался рядом, хотя если бы не оказался, то он и не упал бы вовсе. Он решил, что я нарочно скинул его с дерева и изуродовал. Когда нам было по восемнадцать лет, я показал ему свою память, так что он знает, как все вышло. Похоже, он до сих пор в глубине души винит во всем меня и побаивается, как бы я не проделал этот фокус снова.

* * *

Нужно было соблюсти все необходимые формальности. Пришлось повидаться с родителями мальчишки. Мы долго, нудно беседовали. Его родители сначала испугались, потом разозлились, но тут я предложил компенсацию за потерю работника. Орден баснословно богат. В городе на десять крейцеров можно прожить неделю, если ты не особо привередлив. В Месоги же это целое состояние. Нам позволено платить за ученика до двадцати крейцеров, но деньги не мои, а я человек честный.

* * *

По возможности я всегда предпочитаю ходить пешком, с повозками и каретами мне не везет. Лошади меня не любят: они чуткие твари, и что-то во мне им не нравится. Стоит мне сесть в повозку или карету, жди беды. Если не с лошадьми, то сломаются ось или спица, или карета завязнет в колее, а то случается – возница упадет, корчась в судорогах. Я не один такой, у многих из нас в пути происходят разного рода несчастья, но лучше встретить их на суше, чем на море,

как бедный отец Инцитатий. Чтобы добраться до Месоги, я нанял лодку от города вниз по реке Аспер до самого Старка, а остальную часть пути прошел пешком. Жаль, что реки текут только в одном направлении. Возвращаясь, я двину до Инсупер, поплыву на баржелесовозе до моря, а там – до города на судне, перевозящем зерно. У меня морская болезнь, а заклинания от этого нет. Не везет так не везет.

От Риенса до Инсупера – семнадцать миль, вниз по долине и вверх по Чертову холму. В шести милях от Риенса дорога проходит через деревушку. Можно еще пройти старой дорогой к Тору, потом свернуть вниз, в леса, пересечь реку Блэквотер у Сенс-Форд, и окажешься на главной дороге в миле от деревни. Этот путь на пять миль длиннее, ненадежный и опасный, но зато не надо заходить в деревню – унылейшее, типичнейшее для Месоги местечко.

Везет как утопленнику. Я поплелся наверх, к Тор-Дроув, поскользнулся и скатился по лесовозной колее, заросшей вереском, где лесозаготовщики жгли хворост, и обнаружил, что река Блэквотер вышла из берегов от весенних дождей, брода не найти, как и способа перебраться на тот берег. В отчаянии я подумал, не раздвинуть ли мне воды или не повернуть ли реку вспять. Но на это существуют строгие правила, а будущему главе кафедры Совершенной логики нарушать их не к лицу, тем более понять, чья это проделка, не составит никакого труда – все знают, где я.

Так что пришлось тащиться назад, вверх по лесовозной колее, вниз к дороге, и от унылых размышлений о моей чудовищно растянутой одиссее путешествие стало еще утомительнее. Переночевав под буком и проснувшись от хрюканья диких свиней, на рассвете я добрался до деревни (простите, не хочется упоминать ее названия).

Напрасно я надеялся, что здесь хоть что-нибудь изменилось. Кузня по-прежнему находится на главной улице. После смерти отца мать переехала к родне на север. Приобрел кузню какой-то трудяга, стук молота по наковальне слышался за двести ярдов. Мой отец начинал работать через три часа после рассвета – «надо уважать соседей», которых он ненавидел и с которыми без конца ругался. Петли на воротах так никто и не закрепил, труба того и гляди рассыплется, держится исключительно на честном слове, – в Месоги на этом зиждется всё и вся.

Я натянул капюшон поглубже, чтобы не быть узванным. Нечего и говорить, что при виде меня все бросали работу. Каждый здесь, кто старше двадцати лет, был мне знаком.

Гнато родился в семье угольщика. В Месоги сильны социальные различия, и угольщики, живущие на открытом воздухе, передвигающиеся по лесу с места на место, якшающиеся с чужаками, находятся на низшей ступени. Даже моя родня смотрит на них свысока. Но отец Гнато каким-то образом унаследовал ферму, примыкавшую к деревне. Загон выходил к дороге, там угольщик построил сарай для угля и дом. Ничего не изменилось... Из дома вышли четверо, неся на плечах дверь, на которой лежало что-то, завернутое в занавеску.

Я остановил какую-то старуху, не будем уточнять имя, и спросил:

– Кто умер?

Она ответила, что отец Гнато. Гнато больше не носит это имя, так же, как и я свое. В Ордене каждому дают религиозное имя. Наши настоящие имена состоят из пяти слогов и не вписываются в общепринятый алфавит. Женщина посмотрела на меня.

– Я тебя знаю?

Я покачал головой.

– Когда он умер?

– Болел последнее время. Ты знаком с семьей?

– Я встречал его сына в городе.

– А, этого... – Она нахмурилась.

Такие строптивцы эти крестьяне – и logica их не проймет, поэтому я не стал обращать внимание на ее гримасы.

– Значит, он еще жив?

– Говорят...

– Я точно тебя не знаю? Голос вроде знакомый.

– Нет, мы никогда не виделись.

Отец нашего Гнато... Шумный, вспыльчивый мужик, поколачивавший жену и дочерей, пьяница, буян, озлобленный на весь мир. Люди ни во что его не ставили, хотя он работал всяко больше других. Красномордый от угля и пьянства, прихрамывающий на одну ногу громила, стыдящийся своего тощего, вороватого, никчемного сына. По здешним меркам, он дожил до глубокой старости. Маленькая высохшая женщина, бредущая за процессией, должно быть, его

измученная жена. Теперь она обеспеченная женщина – освободилась наконец от этой свиньи. Она плакала. Странный народ...

Что-то заставило меня выудить золотую монету из кармана и вложить ей в руку. Она оглянулась и поискала меня глазами, но я благоразумно исчез – стал невидимым. Она рассмотрела монету и сжала ее в кулаке.

* * *

Я вышел из деревни и вскарабкался на холм всего за двадцать минут, судя по моим отличным механическим часам. «Неплохо», – отметил я. Преодолеешь себя однажды – и от успеха кружится голова, пока не столкнешься с новыми трудностями. Я подошел к еще одной разлившейся реке – Инзо, которая, разбушевавшись, смыла мост у Мачеры и в щепки разбила паром. Паромщик сообщил мне то, что я и сам знал: надо вернуться на три мили назад к развилке дороги, свернуть на юг до Кониги, потом на старую Военную дорогу, которая приведет меня к побережью. У Фриеста – пристань, дальше идти не придется. Хотя и так путь неблизкий.

Хотите верьте, хотите нет, я настроился шагать на пристань. Конечно, это несправедливо по отношению к другим пассажирам, невинным крестьянам, которые не сделали мне ничего плохого. Нет, по какой-то причине Месоги меня не отпускала, играла, как с едой, – мать всегда за такое ругала.

Одна из причин отсталости – это отсутствие хороших дорог, связи с внешним миром. Парочка ливней – и все: ни проехать, ни пройти.

Поэтому так неохотно я начинал свое путешествие в прошлое. Должен сказать, платье ученого – хорошие доспехи, шерстяная версия lorica. К тебе никто не пристаёт, не заговаривает, дают все, что попросишь, и нетерпеливо ждут, когда уйдешь. Я купил ботинки в Ассистенцо, у знакомого башмачника. Выглядел он сейчас лет на сто шесть, не меньше.

Он меня узнал, но виду не подал. Хорошие ботинки, ничего не скажешь, только пришлось их обработать qualisartifex, чтобы не скрипели.

«Умеренность и бережливость» в Нонсе определенно лучшая среди гостиниц Месоги, одному богу известно почему. Там и комнаты с настоящими деревянными кроватями, еда съедобна, и – слава

Всевышнему – там подают настоящий черный чай. Вообще-то это бордель, но если ты одаришь девчонку улыбкой и шестью монетами, то получишь комнату в свое распоряжение. Кажется, я не спал так сладко целую вечность, пока какой-то кретин не забарабанил в дверь.

– Вы из Академии?

Пришлось признаться – мантия, перекинутая через спинку стула, не даст соврать.

– Срочно нужна ваша помощь. В деревне – черт с ним, с названием, – беда. Повезло, что застал вас. Вовремя мост снесло, а то вы давно бы ушли.

* * *

За мной прислали повозку. Идиоты. Понятное дело, лошадь охромела сразу же, как только я забрался на телегу. Пришлось возвращаться к гостинице за другой, потом треснула ось. Мы долго выстрегивали щепку и забивали трещину. «Пешком было бы быстрее», – подумал я.

– А я тебя знаю, – сказал возчик. – Ты ведь местный.

Ну что поделаться, бывают времена, когда неохота спорить.

– Точно.

– Ты его сын. Угольщика.

Ничто не может вывести меня из равновесия. Кроме некоторых мелочей.

– Да нет же, черт побери! – огрызнулся я. И назвал ему свое имя. – Сын кузнеца.

Он кивнул. Сказал, что у него хорошая память на лица. Дело касалось отца Гнато. Такая в Месоги традиция: мертвецы не лежат спокойно в могилах. В других местах танцуют народные танцы в костюмах Робин Гуда или пьют сидр, чтобы накликать богатый урожай яблок. В Месоги, если ты унес в могилу обиду или к тебе плохо относились при жизни, почти наверняка вернешься к дорогим соседям либо в своем раздутом, гниющем теле, либо страшной тварью – волком, медведем или свиньей.

– Бьюсь об заклад, он вернулся свиньей, – догадался я.

– Хорошо, видать, ты знал старого черта, – усмехнулся возчик.

– Угу.

Возвращенцы с того света не похожи на обычных животных. Они гораздо крупнее, черны как смоль, с красными глазами, которые светятся в темноте. Обычным оружием их не возьмешь, ловушками не удержишь, и яды тут бесполезны. Отец Гнато пристрастился к подкапыванию домов по ночам, когда все спали. Подкапывал стены, и крыша рушилась. Много ли надо ветхим домишкам, которые и так сплошь и рядом заваливаются без надлежащего ухода, но я видел, что там, где поработал блестящий призрачный кабан, сделать уже ничего нельзя.

* * *

Я кое-что знаю про возвращенцев, мой дед был таким. Он вернулся медведем и на протяжении девяти месяцев убивал там и сям живность и ломал изгороди, пока из города не приехал человек в серой мантии и не утихомирил его. Я все это видел и еще тогда решил, кем стану.

Дед умер, когда мне было шесть. Я помню его веселым здоровяком, угощавшим меня яблоками. Когда-то он убил двоих соседей – говорят, в целях самозащиты, – но в тесной общине это не играет роли. Посланец Академии выслеживал его четыре ночи подряд, поймал, вероятно, замораживающим заклятьем «in quo vincit», обездвижив до утра. Потом вернулся с дюжиной мужиков с кольями, топорами, молотками – инструментами, в моем понимании предназначенными для починки забора. Дед только и мог что наблюдать за происходящим, вплоть до того, когда они отрезали ему голову. Конечно, я видел просто медведя, огромного, черного. И только позднее мне рассказали все в подробностях.

* * *

Не знаю, можно ли убить смущением? Надо бы испытать такой способ. Но я испугался и вооружился *fonslaetitia* – формулой, способной ослабить кого и что угодно. Раз уж я вернулся в деревню, меня все узнают. Старина Му, по прозвищу Собака, а настоящее его имя Мутахаллиуш, теперь мэр. Как сейчас помню его лицо, забрызганное вонючим коричневым соком гнилых листьев салата, он сидит в колодках за то, что обрюхатил дочку мельника. Кажется, у других память короче, или они просто не помнят зла. Шап-дубильщик – констебль, Ати из «Пяти ясеней» стал могильщиком,

новый кузнец, которого я не знаю, – сборщиком долгов и отвечал за раздачу милостыни. Я с холодным изумлением оглядел их и велел рассаживаться по местам.

Наверное, им было неловко. Взглянем-ка на происходящее их глазами: мальчишка, которого они походя шлепали по затылку, иногда лупили палкой, теперь стал ученым, волшебником, способным убить одним лишь взглядом или превратить кучу дерьма в чистое золото. Немудрено, что мы общались холодно-официально.

На собрании я не услышал ничего нового – возчик рассказал все что мог, да и собственное мое воображение довершило картину. Я произнес речь о том, как следует себя вести и какие беды ожидают слушников в случае игнорирования моих инструкций. Потом встал, дав понять, что собрание завершено. Тогда Шап, мой дальний родственник – в деревнях все друг другу родные так или иначе, – спросил меня насчет племянника. Племянника? Тут меня осенило. Он спрашивал про Гнато.

– У него все хорошо.

– Он ученый? Как ты?

– Как я. Значит, он сюда не возвращался?

– Мы не знали, жив он или нет.

Ну да, насчет меня то же самое.

– Я расскажу ему про отца. Может, ему захочется... – Я замолчал, осознавая, что сейчас собирался сказать. Посидеть на могиле? Какой? Обычно останки четвертованного возвращенца захоранивают по границам прихода.

– Он захочет узнать.

Это была откровенная ложь, но должен признать, что мне *хотелось* рассказать ему. На моем месте он поступил бы так же.

* * *

Отец Гнато и на этом свете не был семи пядей во лбу. Мертвым он приобрел определенную хитрость и сметку, хотя, возможно, это свинья попалась умная. Я караулил его три ночи. Он не особо таился, и силищи у него осталось предостаточно. Когда я наконец справился с ним с помощью *posui adiutorem*, то сам выдохся и дрожал как осиновый лист.

Должно быть, я ввел вас в заблуждение, назвав его свиньей. Нет, благостная картинка жирной розовой свинки, похрупывающей капусткой в хлеву, тут не годится. Дикае свиньи огромны, весят до полутонны, покрыты лоснящейся проволочной щетиной, здорово мускулистые. Настоящие, то бишь живые, известны подкупающей застенчивостью, они тихо сидят, притаившись в кустах. Если ты идешь по лесу, шумя как придурок, то никогда их не увидишь, пока случайно не наступишь на хвост. А как наступишь – тут тебе и конец. Доблестные охотники на чертовых кабанов с удовольствием расскажут тебе, что лесная свинья – самое опасное животное в Пермии, гораздо страшнее волков, медведей или лосей. Настоящие свиньи темно-рыжего цвета, а отец Гнато черен как смоль, и глаза у него красные, горящие, что уголья.

Когда завалишь возвращенца, с ним надобно поговорить. Я встал – ноги у меня подкашивались – и приблизился, тщательно соблюдая безопасное расстояние, даже после двойной дозы logica.

– Здравствуй, – сказал я.

Парализованная туша уставилась на меня, подрагивая пугающе человеческими ресницами.

– Мы знакомы?

– Я сын кузнеца.

– Точно. Ты уехал в город учиться на волшебника.

– Я вернулся.

Он хотел кивнуть, но у него не получилось.

– Что со мной будет?

– Ты и сам это знаешь.

Я понял, что он смирился со своей участью, достаточно трезво восприняв ситуацию.

– Боль... Мне будет больно?

Неприятная тема, но сомнений на этот счет не было.

– Боюсь, что да. Ты ведь живой.

Я не стал добавлять: сам виноват, что вернулся. Не будешь же спорить с тем, кому предстоит пройти через адовы муки.

– А потом... Я умру?

Ненавижу такие разговоры.

– Нет, ты не умрешь. Ты просто не сможешь больше распоряжаться своим телом. Жить будешь, но... делать ничего не сможешь.

Я чувствовал, как его охватил ужас. Да мне и самому стало не по себе. Честно говоря, нет ничего хуже, чем лежать в черной земле без движения... вечно... Но увы – не тебе решать, быть возвращенцем или нет, обычно профессионалы предупреждают о возможном исходе. Что ж, бывает... Невезение. И, конечно, наследственность. А Месоги за тысячелетия кровосмешения давно уже превратилось в одну большую семью. Хорошо бы меня минула сия участь, но даже я не в состоянии этого предотвратить.

– Отпусти меня. Я уйду далеко, в те края, где нет людей. Обещаю никому не причинять зла.

– Прости, если Орден узнает – мне конец.

– Они не узнают.

Действительно, откуда им узнать-то? Вернусь в город, скажу, что не справился со свиньей, они пошлют еще кого-нибудь, а к тому времени отец Гнато уйдет далеко (хотя они всегда возвращаются, с этим ничего не поделать). Я испорчу свою репутацию идеального агента. Вот будет здорово! Я иногда задумываюсь о своем дедушке – живые куски в сырой земле. Как бы я себя чувствовал?

– Извини, – сказал я. – Работа есть работа.

* * *

Мы распилили его на куски поперечной пилой. Если вы не в курсе, пилить надо вдвоем. Один пилит с одной стороны, другой – напротив. Один толкает, другой тянет. Я тоже приложил руку к процессу, из чувства долга, но у меня никогда не получалось попасть в ритм.

* * *

Я покидал родную деревню не в самом радужном настроении. Как уже было сказано, если ты победил свои страхи, наступает легкая эйфория. Я вернулся, больше мне не придется этого делать, груз сброшен с плеч. Я поднимался по утомительно длинному холму и вдруг поймал себя на мысли: не важно, чего я добился, здесь мои корни, здесь сокрыта часть меня самого. Наверное, возвращенцы натолкнули меня на эту мысль.

Видите ли, возвращение – типичное для Месоги событие. Возвращенцы есть и в других местах, но, когда удастся проследить

линию предков, оказывается, что у них присутствует, хоть и капля, крови Месоги.

Помоги нам Господи, мы не такие, как все. Из всех народов и рас мы единственные на Земле, кто смог достичь бессмертия, хоть и в таком вот неприглядном виде, возникшем от озлобленности и ведущем к бесконечной боли. Надежной статистики, конечно, нет, но мы считаем, что таких – где-то один на пять тысяч, среди них могу оказаться и я, и Гнато, и Квинтилий, и Сцевола, доктора наук и профессора чистой, незапятнанной мудрости, свирепствующие в ночи, ломающие ограды, хватающие путника за горло. Как я сказал, они всегда... мы всегда... возвращаемся, рано или поздно. Они... мы... И с этим ничего не поделаешь.

Гнато, гораздо больший оптимист, чем я, раньше хотел выяснить, как у нас это получается, почему избраны именно мы. Он намеревался сделать всех людей бессмертными. Гнато даже провел предварительные исследования, пока деньги не иссякли и он не занялся учительством, потом стал вникать в политику Ордена, что отнимает чертовски много времени и энергии. Возможно, он сохранил свои записи. Как и я, он ничего никогда не выбрасывает, и в его кабинете – настоящий свинарник.

* * *

Когда я добрался до Мачеры, река успокоилась, военные построили понтонный мост. Приятно видеть, как они делают для разнообразия хоть что-то полезное. Небольшая прогулка – и я смогу уплыть домой с относительным комфортом.

Я предвкушал дополнительное удовольствие от этой утомительной миссии. Дорога проходит через Иденс, ничем не примечательный городок, но там живет старинный друг, с которым я переписываюсь и с которым много лет не виделся: алхимик по имени Дженсерик.

Когда я сдавал вступительные экзамены, он был уже на пятом курсе, но мы сразу нашли общий язык. В год моего выпуска он уехал из Академии, получив должность настоятеля в Эстолейте, и затем переходил с места на место, унаследовал от дядюшки небольшой капитал и отошел от дел, занявшись независимыми научными исследованиями. Прекрасный особняк, парк с оленями и живописное озеро тоже являлись частью его наследства. Время от времени он

просил меня скопировать для него какой-нибудь текст или поискать справку. Я не силен в алхимии, но это не имеет значения. Возможно, это даже хорошо, что мы не являемся коллегами – нет конкуренции, не нужно красть чужую работу.

Дженсерик отнюдь не пользовался уважением. Во-первых, он оставил Академию, во-вторых, о нем ходили сомнительные слухи, поговаривали о женщинах и незаконнорожденных детях. Но игнорировать ученого было невозможно, и с его стороны никогда не было недоброжелательного отношения. Из его писем было понятно, что он гордится тем, что окончил Академию, но при этом был рад оставить «клееварню», как он называл ее, уйдя в настоящий, живой мир. Ну что ж. У каждого свои недостатки.

Иногда твой затаенный страх оказывается на поверку вовсе не таким страшным, а предвкушение триумфа оборачивается горьким разочарованием. Я представлял себе нашу встречу: широкие улыбки, крепкие объятия, дружеская болтовня, хлещущая бурным потоком в попытке наверстать все то, что произошло за последние двадцать лет, когда он уплыл на корабле. Конечно, в реальности все было по-другому. Сначала мы смущенно молчали, думая про себя: «А приятель-то изменился, и не в худшую ли сторону, – с неизбежным размышлением: – Если он выглядит таким постаревшим, значит, и я тоже?» Потом чрезмерно широкие улыбки, приветствие с запинкой. Это словно клятвы, разрезанные пополам монетки, которыми обмениваются при расставании влюбленные, – по прошествии долгого времени разлученные половинки больше не соединишь.

Ну и ладно. Через полчаса беседа, слегка чопорная, чтобы не дай бог не ступить на скользкую тропинку, вошла в нормальное русло. Выручили профессиональные темы – мы ведь как-никак ученые, – поэтому я постепенно успокоился.

А вот к роскоши я готов не был. Отрочество в Месоги, взрослая жизнь в Академии, поездки в самую что ни на есть глухомань, ночлег на постоянных дворах, в деревенских гостевых домиках других Орденов. Что сказать, не привык я к хорошему постельному белью, подушкам, салфеткам, бокалам, коврикам, гобеленам, восковым свечам, белому хлебу, фарфоровым чайным сервизам, стульям со спинкой и подлокотниками, к вышколенной прислуге... особенно

к прислуге. Во время обеда за нашими спинами стоял столбом мужчина, смотрел, как мы едим.

Он подавал нам миску с горячей водой для омовения рук между блюдами. Меня так и подмывало вовлечь его в нашу беседу, чтобы он не чувствовал себя обойденным вниманием. Понятия не имею, умел ли он вообще разговаривать. Еда была слишком жирной и острой на мой вкус, к тому же ее было слишком много, но я сосредоточенно продолжал жевать, чтобы никого не обидеть. И всякий раз, едва я справлялся с одним блюдом, как тут же приносили новое, пока до меня не дошло, что это никакая не показуха, а образ жизни. Дженсерик жил, нимало не задумываясь о таких вещах. Я был в шоке, но, разумеется, не подал виду.

За обедом я поведал ему о недавних приключениях, а он показал мне свою гордость – лабораторию. Я знаком с основами алхимии, но работы Дженсерика – это нечто невероятное, и вскоре я запутался в терминах и нюансах. Главная цель моего друга оставалась все той же: поиск реагента или катализатора, могущего изменить основу одного вещества и превратить его в другое. Я не верю в эту ерунду, но важно кивал с заинтересованной миной на лице. В лаборатории все полки уставлены баночками, горшочками, две дубовые скамьи покрыты стеклом, печка-кроха, похожая на кузнечный горн моего отца, как маленький ребенок походит на взрослого. Дженсерик, сияя от гордости, продемонстрировал несколько опытов. После одного из них комната наполнилась лиловым дымом, я закашлялся и ничего толком не смог разглядеть.

Сославшись на усталость, я проследовал за слугой в просторную спальню, уставленную мебелью, которой хватило бы на большой городской дом. Кровать была размером с амбар, стены увешаны коврами («Свадьба Остроумия и Мудрости в Мезантийском стиле»). Я хотел было раздеться, но тут женщина принесла кувшин горячей воды. Что за жизнь – ни минуты покоя.

* * *

Проснулся я от того, что задыхался, будто тяжелый камень сдвинулся мне грудь. В комнате было темно. Я попробовал *lux in tenebris*. Бесполезно. «О-о», – подумал я. Как же я оплошал, не установив охрану перед тем, как закрыть глаза! Есть старинная военная